

СОСТАВ ПЕРСИДСКОЙ АРМИИ IV В. Н.Э. В ИЗВЕСТИЯХ РИМСКОГО ИСТОРИКА АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА

Информация о персидской армии, ее структуре и организации занимает в сочинении Аммиана Марцеллина [1] далеко не последнее место как по своему объему, так и по тому значению, которое сам автор придавал данному вопросу. Аммиан считает себя прежде всего «бывшим солдатом» (*miles quondam*) (XXXI. 16. 9), и во многом именно профессиональным интересом можно объяснить то поистине пристальное внимание, которое историк уделяет описанию войска главного восточного противника Римской империи в IV веке — сасанидского Ирана.

Следует отметить достоверность данных, приводимых Аммианом Марцеллином о современных ему событиях и явлениях. Он сам принимал непосредственное и активное участие в боевых действиях на восточных рубежах Римского государства на завершающем этапе римско-персидской войны 338 — 363 гг. (в кампании 359 г. и персидском походе императора Юлиана в 363 г.), а потому главным источником Аммиана при описании им сасанидской армии были прежде всего его личные наблюдения. Этому в немалой степени способствовало и то, что Аммиан Марцеллин, вероятно, знал персидский язык [2] и, следовательно, мог напрямую общаться с персами (как состоявшими на службе римских императоров, так и военнопленными). Если же сам Аммиан не присутствовал при описываемых событиях или не принимал в них прямого участия, то он использовал свидетельства их участников и очевидцев, с которыми ему удалось побеседовать лично (XV. 1. 1). Все это свидетельствует о высокой степени объективности и надежности «Деяний» как источника по истории взаимоотношений Рима и Ирана в IV веке.

Следует отметить, что в зарубежной исторической науке чуть ли не до середины XX в. Аммиана Марцеллина, как правило, считали компилятором и не придавали его труду серьезного самостоятельного значения (здесь, прежде всего, следует назвать В. Гардтхаузена, Т. Моммзена, О. Зеека) [3]; лишь с конца 1920-х гг. [4], а особенно

после выхода в свет в 1947 г. работы английского исследователя Э. Томпсона «Исторический труд Аммиана Марцеллина» [5] оценки творчества Аммиана стали более взвешенными. В целом нужно признать, что зарубежные исследователи уделяли и уделяют Аммиану Марцеллину огромное внимание — работы, посвященные ему и его творчеству, исчисляются многими десятками, а то и сотнями. В отечественной же историографии в отношении Аммиана и его творчества проявлялся крайне незначительный интерес [6].

Итак, что касается непосредственно структуры персидского войска, то ее, исходя из содержания «Деяний», представляется возможным охарактеризовать по двум основным направлениям: по родам войск и по этнической принадлежности личного состава. Кроме того, Аммиан приводит ряд сведений, демонстрирующих влияние социальной структуры сасанидского общества на состав персидской армии.

Основываясь на данных Аммиана, у персов можно выделить два основных рода войск — кавалерию и пехоту; несколько особняком стоят отряды боевых слонов, которые также довольно часто использовались персами в военных действиях (XIX. 2. 3; 7. 7; XXIV. 6. 8; XXV. 1. 14 — 15; 3. 4; 3. 11; 6. 23).

В то же время кавалерия персов не была однородной. Аммиан особо выделяет отряды тяжелой конницы, или катафрактарыев (*catafractarii*) (XVII. 8. 3 — 7; XIX. 7. 4; XXV. 1. 12; 3. 4; XXIX. 1. 1), называя их иногда «закованной в железо конницей» (XIX. 1. 2) и «конными воинами в броне» (XIX. 2. 2). Катафрактарыи, как видно из слов Аммиана Марцеллина, играли роль основной ударной силы в армии персов. Судя по сведениям историка, именно в тяжелой кавалерии служили представители персидской знати. В одном из мест «Деяний» содержится сообщение о том, что в коннице «несет службу вся их [персов — **В.Д.**] знать» (*desudat nobilitas omnis et splendor*) (XXII. 6. 83). Аммиан не уточняет, о какой коннице идет речь — о тяжелой или легкой, но, поскольку нигде в «Деяниях» не говорится о службе персов в легкой коннице, вывод об аристократическом составе персидской тяжелой кавалерии не подлежит сомнению [7].

Кроме катафрактарыев, Аммиан Марцеллин упоминает (хотя и гораздо реже) легкую конницу, игравшую по отношению к первым явно второстепенную, вспомогательную роль (XXIII. 3. 4; XXIV. 3. 1; 4. 7; 7. 7). Историк отмечает, что в рядах легкой кавалерии персов служили отряды сарацин (XXV. 1. 3). Видимо, боевые качества

арабской конницы персы смогли оценить задолго до битвы при Кадиссии.

Пехота персов также была разнородной по составу. Наиболее часто Аммиан Марцеллин упоминает лучников (XIX. 5. 1; 5. 5; 6. 9; XX. 6. 6; 7. 6; 11. 9, 13; XXIV, 2. 8, 15; 3. 14; XXV. 1. 13, 17 — 18; 3. 11; XXIX. 1. 1), чьим искусством, как он отмечает, «испокон сильны были персы» (XXV. 1. 13). Наряду с лучниками историк говорит о пращниках (XIX. 5. 1; XX. 11. 9; XXIV. 2. 15), а также копейщиках (XXV. 1. 13).

О других категориях пехотинцев Аммиан Марцеллин прямо не упоминает, но, исходя из его данных, с большой долей вероятности можно говорить еще об одном подразделении в составе пешего войска персов, а именно — об отрядах солдат, обслуживавших военную технику, и прежде всего — баллисты (XIX. 2. 8; 7. 2, 5, 7; XX. 6. 3; 7. 9). Наиболее отчетливо присутствие в персидской армии подразделений, обслуживавших осадные орудия, прослеживается по данным, приведенным Аммианом при описании взятия Шапуром II крепости Сингары в 360 г. Историк проводит достаточно четкую границу между отдельными категориями воинов, обслуживавших осадные приспособления, и остальной массой войска. В частности, он сообщает, что по сигналу царя «одни солдаты несли лестницы, другие готовили осадные орудия, а главная масса под прикрытием фашин и штурмовых щитов старалась приблизиться к стенам...» (XX. 6. 3).

В целом положение пехоты в персидском войске следует признать весьма приниженным. Аммиан указывает, что «пехотинцы, будучи вооруженными по образцу мирмиллонов, выполняют обязанности крестьян (*jussa faciunt ut colones*). Они толпой следуют за конницей, как будто бы приговоренные к вечному рабству (*addicta perenni servitio*), не будучи никогда вознаграждаемы ни жалованьем, ни подарками» (XXIII. 6. 83); похожее описание пешего войска персов дает и Лактанций: персы, по его словам, «отправлялись на войну со всем своим скарбом беспорядочной толпой с обозами захваченного добра» [8]. Аммиан подчеркивает, что именно пехота выполняла у персов тяжелую и неквалифицированную работу (например, возводила земляные валы (XIX. 6. 6)). Это замечание согласуется с данными Прокопия Кесарийского, так характеризовавшего персидскую армию: «Вся их [персов — **В.Д.**] пехота — ничто иное, как толпа несчастных крестьян, которые идут с войском только для того, чтобы подкапывать стены, снимать

доспехи с убитых и прислуживать воинам в других случаях. Поэтому у них нет никакого оружия, которым они могли бы причинить вред неприятелю; а свои огромные щиты они выставляют вперед только для того, чтобы самим обороняться от неприятельских стрел и копий» [9].

Последний род войск, о наличии которого у персов не раз говорит Аммиан Марцеллин, — это боевые слоны, управлявшиеся восседавшими на них воинами (XIX. 2. 3), вооруженными ножами с длинной рукоятью, необходимыми для нейтрализации животного, взбесившегося от полученных во время боя ран (XXV. 1. 15). Аммиан пишет, что в случае, если с разъярившимся животным справиться было уже невозможно, вожак сильным ударом рассекал ему позвоночник в месте его соединения с черепом (XXV. 1. 15), поступая так же, как когда-то поступали воины Гасдрубала [10]. Боевые слоны, несмотря на огромный, фактически — многовековой опыт борьбы с ними, накопленный римской армией еще со времен Пирровой войны, производили на противника ошеломляющее впечатление. Аммиан, прошедший на военной службе многие годы, даже спустя десятилетия не может спокойно писать о слонах в армии Шапура II: «Страшный их вид и ужасный хобот внушали едва преодолимый ужас» (XXV. 1. 14); «морщинистые чудовища представляли собой... ужасное зрелище, наводящее неописуемый страх» (XIX. 2. 3); их «рев и ужасный вид... являются самым страшным, что может себе представить человек» (XIX. 7. 7); «слоны, как перемещающиеся горы, ...грозили гибелью приближавшимся, наводя страх» (XXIV. 6. 8). Справедливости ради нужно отметить, что римские солдаты все же владели способами борьбы с этими животными, о чем сообщает, кстати, и сам Аммиан (XXV. 6. 2 — 3; XIX. 7. 7).

Таким образом, в армии Шапура II, исходя из сведений Аммиана Марцеллина, можно выделить три основных рода войск: кавалерию, пехоту и отряды боевых слонов. Первые два, как было показано выше, не были однородны, и их можно разделить еще на ряд категорий, различающихся по своим функциям.

Вторым основанием для анализа состава персидской армии является этническая принадлежность ее личного состава. В данном отношении Аммиан немногословен, но определенные сведения на сей счет в его сочинении все же имеются. Судя по данным Аммиана, основную массу армии Сасанидов составляли персы. Может показаться странным, что напрямую об этом историк нигде не

говорит; вероятнее всего, для Аммиана это было очевидным фактом, не нуждающимся в особой констатации. По тому, что Аммиан постоянно называет все вражеское войско персидским или просто персами, это предположение, на наш взгляд, можно считать вполне обоснованным (XVI. 9. 1; XVIII. 8. 3, 11, 12; XIX. 2. 3, 8, 11; 5. 5; 6. 13; 8. 1, и т.д.). Интересно, что иногда (XX. 4. 2; XXI. 7. 1, и др.) историк называет противника не персами, а парфянами. Вероятно, причиной этого является представление автора «Деяний» о непрерывности истории Парфянского царства вплоть до IV в. Для Аммиана нет разницы между сасанидским Ираном и Парфией (XXIII. 6. 4), а династия Аршакидов для него по-прежнему является правящей (XXIII. 6. 6). Кроме того, в отождествлении персов с парфянами явно прослеживается сложившаяся в римской исторической литературе традиция. Так, например, парфянами названы персы в одном из галльских панегириков, произнесенном в 296 г. [11], у Евтропия [12], Синезия Киренского [13]. Нечто подобное можно найти уже у Геродота, часто называющего персов мидянами [14].

Что касается количественного соотношения родов войск, то основная масса воинов, судя по данным Аммиана, входила в состав пехоты (XXIII. 6. 83); кавалерия включала меньшинство персов, ибо, как было отмечено выше, в ней служили только представители знати (XXIII. 6. 83), однако и она была довольно многочисленна (XIX. 2. 2; 7. 3).

Помимо собственно персов, в войске Шапура II Аммиан выделяет подразделения, сформированные из других народов, проживающих как на территории Персии, так и вблизи ее границ. Собираательно они названы «дикими» (*ferae*) (XIV. 3. 1; XVIII. 4. 1; XIX. 2. 12), «соседними» (*vicinae*) (XVIII. 6. 22; XXVII. 12. 18) или «разными» (*diversae*) (XIX. 1. 3) племенами. Отношения между этими «соседними племенами» и персами в военно-политической сфере были нестабильны. Аммиан Марцеллин пишет, что «дикие народы... в своем изменчивом настроении часто наступают на него [Шапура II — **В.Д.**], а иной раз, когда он идет на нас войной, оказывают ему помощь» (XIV. 3. 1).

Какие же народы имеет в виду Аммиан Марцеллин, говоря об участии их в войнах с Римом на стороне персов? Прежде всего, сюда следует отнести хионитов, с которыми в 358 г., после довольно долгой войны, Шапур заключил мирный договор (XVII. 5. 1); его результатом и явилось участие хионитов во главе с царем Грумбатом

в войне Шапура II против Рима (XVIII. 6. 22). Как составная часть персидской армии, отряды хионитов упоминаются Аммианом трижды, и все эти упоминания связаны исключительно с событиями, происходившими под Амидой в 359 г. (XVIII. 6. 22; XIX. 1. 7–8; 2. 3). Из этого следует, что присутствие хионитов в сасанидском войске было, скорее всего, эпизодическим, нежели постоянным.

Кроме хионитов в армии Шапура II под Амидой находились также албаны (XVIII. 6. 22; XIX. 2. 3) и сегестанцы — «самые храбрые из всех воины» (XIX. 2. 3). Можно предположить, что, помимо представителей указанных выше племен, совместно с персами воевали также отряды геланов (хотя Маркварт считает, что этноним «*Gelanis*» (XVII. 5. 1) в рукописях следует читать «*Segestanis*» — т.е. сегестанцы [15]) и некие загадочные «евсены», которых обычно отождествляют с кушанами [16]. Предположение о наличии в армии Шапура II под Амидой кушан может быть обосновано тем, что в конце 350-х гг. Шапур воевал не только с хионитами, но и с «евсенами» (кушанами) (XVI. 9. 4), а потому их присутствие в армии персов наряду с отрядами хионитов после заключения мира с Персией выглядит достаточно логично. О том же, что в персидское войско вполне могли входить и геланы, говорит упоминание Аммиана о возможном союзе между ними и Шапуром II (XVII. 5. 1).

Упомянут в «Деяниях» еще один народ, представители которого воевали против Рима совместно с персами — это сарацины (XXIV. 2. 4; XXV. 1. 3; 6. 9–10). Судя по сведениям Аммиана, сарацины предоставляли персам отряды легкой конницы (XXV. 1. 3). Присутствие в персидской армии сарацин тоже не было постоянным, т.к. Аммиан говорит об относительно недавнем появлении их отрядов у персов, да и то лишь по причине отказа императора Юлиана выдать причитающиеся им жалованье и подарки (XXV. 6. 10); в других же местах Аммиан прямо упоминает отряды сарацин как подразделения на службе у римских императоров (XIV. 4. 6; XXXI. 16. 5–6). Н.В. Пигулевская по этому поводу отмечала, что «в IV в. арабские племена Передней Азии, включая Аравийский полуостров, не находились в такой постоянной и тесной зависимости от Восточно-Римской империи и Ирана, как это имело место в последующие века. Они оказывали помощь и служили в качестве *auxilia* то одной, то другой стороне, но не было еще утвердившейся закреплённой позиции союза арабских племен в качестве буферного государства, подчиненного одной или другой державе» [17].

Таким образом, Аммиан Марцеллин называет, по меньшей

мере, четыре народа, воинские контингенты которых служили в войске Шапура II кроме самих персов. Это хиониты, албаны, сегестанцы и сарадины; присутствие в нем кушан и геланов находится под вопросом. Как нетрудно заметить, почти все они населяли области по соседству с сасанидской державой, т.е. не являлись подданными Сасанидов. Следует ли из этого, что представители других народов, проживавших на территории персидского государства кроме самих персов, не служили в сасанидской армии? Хотя источники не позволяют рассмотреть этот вопрос полностью и разносторонне, на него, скорее всего, следует дать отрицательный ответ. В источниках почти всегда говорится о значительной численности персидской армии (называются цифры в десятки и даже сотни тысяч воинов), и одним персам собрать такое войско было бы явно не под силу. Кроме того, длившиеся весь IV век практически непрерывные войны сопровождалась значительными потерями, восполнить которые можно было лишь с использованием людских ресурсов всей сасанидской державы, а не только Парса. Чем же в таком случае можно объяснить тот факт, что из всего многонационального сасанидского войска Аммиан особо выделяет сегестанцев? Это исключение, на наш взгляд, может быть объяснено особым положением Сегестана (Сакастана, Сеистана, Систана), оформившимся еще в парфянскую эпоху и выразившимся, например, в том, что он управлялся родственниками персидского шаханшаха [18]. По всей видимости, Аммиан знал о каких-то особенностях статуса Сегестана в составе Персидского царства, что и отразилось в его сочинении.

Таким образом, исходя из сведений Аммиана Марцеллина, можно сделать вывод, что по своему составу войско Сасанидов было типичным примером переднеазиатской армии позднеантичного периода. Главной ударной силой в нем являлась тяжелая кавалерия, состоявшая из представителей знати; пехота же выполняла вспомогательные функции, играя второстепенную роль. Хотя Аммиан изображает сасанидское войско в основном персидским, все же по своему этническому составу оно было довольно пестрым и включало значительные воинские контингенты, сформированные из представителей подвластных и союзных персам народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ammiani Marcellini rerum gestarum libri qui supersunt. Vol. 1 – 4. Lipsiae, 1978. Есть русский перевод: Аммиан Марцеллин. История / Пер. с латинского Ю. Кулаковского и А. Сонни. Вып. 1 – 3. Киев, 1906 – 1908.
2. Gardthausen V. Die geographische Quellen Ammians. Leipzig, 1873. S. 511, 521.
3. Gardthausen V. Die geographische Quellen Ammians. Leipzig, 1873; Mommsen Th. Ammians Geographica // Hermes. Bd. 16. 1881. S. 602 – 363; Seck O. Zur Chronologie und Quellenkritik des Ammianus Marcellinus // Hermes. Bd. 41. 1906. S. 481 – 539.
4. Stein E. Geschichte des spätromischen Reiches. Bd. 1. Vom Römischen zum Byzantinischen Staate (284 – 476 n. Chr.). Wien, 1928. Э. Штайн, в частности, полагал, что Аммиан Марцеллин являлся «самым великим литературным талантом, появившимся на историческом небосклоне между Тацитом и Данте» (Ibid. S. 33).
5. Tompson E.A. The historical work of Ammianus Marcellinus. Cambridge, 1947.
6. В отечественной историографии, за исключением статей В.И. Холмогорова (Римская стратегия в IV веке у Аммиана Марцеллина // Вестник древней истории. 1939. № 3. С. 87 – 97), В.С. Соколова (Аммиан Марцеллин как последний представитель античной историографии // Вестник древней истории. 1959. № 4. С. 43 – 62), В.Д. Нероновой (Аммиан Марцеллин о варварах // Ученые записки Пермского государственного университета. 1966. № 143. С. 71 – 101), З.В. Удальцовой (Мировоззрение Аммиана Марцеллина // Византийский временник. 1968. Вып. 28. С. 38 – 58), А.П. Каждана (Аммиан Марцеллин в современной зарубежной литературе // Вестник древней истории. 1972. № 1. С. 223 – 232) и И.Е. Ермоловой (Об эпиклезе таврского божества у Аммиана Марцеллина // Вестник древней истории. 1998. № 2. С. 129) специальные глубокие научно-исторические исследования, посвященные изучению творчества Аммиана Марцеллина, практически отсутствуют.
7. См. также: Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961. С. 290.
8. Лактанций. О смертях преследователей. VIII. 5.
9. Прокопий Кесарийский. Война с персами. I. 14. 25–26.
10. Тит Ливий. История от основания Города. XXVII. 49.
11. Panegyrici latini. 5. 3.
12. Eutropius. Breviarium historiae Romanae. X. 8. 2.
13. Синезий Киренский. О царстве. 16.
14. Геродот. История. VII. 205–207, 210, 211 и др.
15. Marquart J. Eranšahr nach der Geographie des Pseudo-Moses Xorenac'i. Berlin, 1901. S. 36.
16. См. напр.: Гумилев Л. Н. Эфталиты и их соседи в IV в. // Вестник

- древней истории. 1959. № 1. С. 134; Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. С. 401. Однако некоторые исследователи возражают против такого отождествления (см. напр.: Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. Л., 1941. С. 35). Подробнее о гипотезах происхождения хионитов и эфталитов см.: История таджикского народа. Т. 1. С древнейших времен до V в. н.э. М., 1963. С. 413 — 416.
17. Пигулевская Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана в VI — IV вв. М. — Л., 1964. С. 30.
18. Herzfeld E. Paikuli. Monument and Inscription of the Early History of the Sasanian Empire. Vol. 1. Berlin, 1924. P. 43; Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. С. 288.